

A dark, atmospheric hallway with a door on the left and a notebook on the floor. The hallway is dimly lit with blue light from ceiling fixtures. The floor is reflective, showing the lights and the door. The walls are dark and textured. The door is slightly ajar, revealing a brighter area outside. The notebook is open and lies on the floor in the foreground, with some faint handwriting visible on the pages.

Никита Зон

Тихий час Саблина

Никита Зон
Тихий час Саблина

«Автор»

2026

Зон Н.

Тихий час Саблина / Н. Зон — «Автор», 2026

Ирина Дмитриевна Саблина позвонила дочери за день до смерти и сказала: «Здесь кто-то убивает людей. Я поняла, как это делается. Приезжай». Маша не приехала вовремя. Утром мать нашли мёртвой в палате санатория — официальный диагноз: сердечная недостаточность. Всё выглядело естественно. Почти. Но в тумбочке остался блокнот с бухгалтерски точными записями: имена, даты, закономерности. И одно имя в конце: «Ищи Громову. Она знает». Психологический триллер о том, как легко не заметить человека рядом. И о том, что даже умирая, люди иногда успевают сказать главное.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Никита Зон

Тихий час Саблина

Глава

ТИХИЙ ЧАС

Психологический триллер

2026

ПРОЛОГ

Она умерла в тихий час.

Именно так называли это время в санатории — с двух до четырёх дня, когда пациентов укладывали отдыхать, медсёстры переходили на шёпот, а коридоры заполнялись особой ватной тишиной. Тишиной, в которой хорошо слышно всё, что происходит за закрытыми дверями.

Ирина Дмитриевна Саблина лежала на кровати в палате номер семь, глаза открыты, руки сложены на груди — почти как на фотографии из некролога, который её дочь напечатает через три дня. Дежурная медсестра обнаружила её в 16:02, когда разносила вечерние таблетки.

Официальная причина смерти: сердечная недостаточность. Семьдесят один год, слабое сердце, санаторий для восстановления после инсульта — всё логично.

Кроме одного. Ирина Дмитриевна за день до смерти позвонила своей дочери и сказала: «Здесь кто-то убивает людей. Я поняла, как это делается. Приезжай».

Дочь приехала. Но было уже поздно.

ГЛАВА 1. МАША

Маша Саблина узнала о смерти матери в очереди на кассе «Перекрёстка». Телефон завибрировал в кармане куртки, на экране высветился незнакомый номер с ростовским кодом, и незнакомый голос произнёс слова, которые она потом ещё долго будет прокручивать в голове — ища интонации, паузы, недосказанность.

— Мария Андреевна? Это старшая медсестра санатория «Сосновый бор». Ваша мама... Ирина Дмитриевна скончалась сегодня в период дневного отдыха. Примите наши соболезнования.

Впереди в очереди стояла женщина с тремя пакетами молока и ребёнком на руках. Кассирша пробивала товары с равнодушной скоростью автомата. Маша стояла с корзинкой, в которой лежали йогурт, хлеб и пачка кофе, и думала только об одном: мама звонила вчера.

«Здесь кто-то убивает людей. Я поняла, как это делается. Приезжай».

Маша тогда не приехала. Она сказала: «Мама, тебе нужно больше отдыхать. Может, тебе снотворное поменяли? Поговори с врачом». Мама помолчала и сказала: «Хорошо, Машенька». И положила трубку.

А утром умерла.

Маша бросила корзинку прямо у кассы, вышла на улицу и впервые за много лет заплакала — прямо на тротуаре, под мелким октябрьским дождём, рядом с урной и велопарковкой. Прохожие обходили её стороной.

Потом она вытерла лицо рукавом куртки, достала телефон и купила билет на ближайший поезд до Ростова.

* * *

Санаторий «Сосновый бор» находился в сорока километрах от Ростова — в сосновом лесу, разумеется, что подчёркивалось в каждом рекламном буклете. Маша ехала туда на такси, смотрела в мокрое окно и пыталась вспомнить, когда в последний раз видела мать живой.

Август. Они сидели на кухне материнной квартиры на Садовой, пили чай, и мама рассказывала про соседку снизу, которая завела кошку и та топаёт ночью. Маша кивала и думала о работе. Стандартный визит дочери, у которой вечно нет времени.

После инсульта в сентябре врачи настояли на санатории. Маша помогла с документами, оплатила путёвку, привезла вещи. Мама улыбалась и говорила, что всё хорошо, воздух тут хороший.

«Здесь кто-то убивает людей».

Такси остановилось у главных ворот. Маша вышла, подняла воротник и пошла к корпусу по аллее между соснами. Деревья стояли высокие, прямые, и от них действительно пахло смолой — даже сейчас, в октябре, под дождём.

У входа её встретила женщина лет пятидесяти в белом халате поверх вязаного жилета. Широкое лицо, короткие крашенные волосы, усталые глаза.

— Мария Андреевна? Я Светлана Борисовна, старшая медсестра. Мы разговаривали по телефону.

— Где она? — спросила Маша вместо приветствия.

— В морге при больнице в Ростове. Тело увезли утром по протоколу. Я понимаю, это тяжело. Пройдёмте, я провожу вас к Аркадию Семёновичу, нашему главному врачу. Он объяснит...

— Сначала я хочу увидеть палату.

Светлана Борисовна чуть замешкалась — секунда, не больше, — и кивнула:

— Конечно.

ГЛАВА 2. ПАЛАТА НОМЕР СЕМЬ

Палата была самой обычной. Две кровати — вторая застелена свежим бельём, уже готовая для следующего пациента. Тумбочка, шкаф, телевизор на кронштейне, окно с видом на сосны. Мамины вещи стояли аккуратной стопкой у стены — Светлана Борисовна сказала, что их упаковали с утра.

Маша подошла к кровати у окна — той, где лежала мать. Села на край. Матрас слегка прогнулся под её весом.

— Она была одна в палате? — спросила Маша.

— Последние четыре дня — да. Соседка выписалась в субботу.

— Кто нашёл её?

— Я. — Светлана Борисовна остановилась у двери. — В 16:02, когда разносила вечерние таблетки. Ирина Дмитриевна лежала на кровати. Я сначала подумала, что она ещё спит. Такое бывает — люди крепко засыпают в тихий час. Но когда я подошла ближе...

Она не договорила.

— Как она лежала? — спросила Маша.

— На спине. Руки... — Светлана Борисовна чуть замялась. — Руки были сложены на груди. Аккуратно.

— Аккуратно?

— Да.

Маша посмотрела на медсестру. Та отвела взгляд.

— Люди обычно умирают не аккуратно, — сказала Маша тихо. — Я понимаю это, хотя и не врач.

Светлана Борисовна молчала.

— Мама вам что-нибудь говорила? В последние дни? — продолжила Маша.

— Ирина Дмитриевна была... беспокойная в последнюю неделю. Плохо спала. Спрашивала про других пациентов.

— Про каких пациентов?

— Про тех, кто умер здесь раньше. — Медсестра сказала это тихо, почти шёпотом. — У нас пожилой контингент, смерти случаются. За год умерло пятеро. Это в пределах нормы для такого учреждения. Но ваша мама... она почему-то интересовалась именно этим. Просила у меня списки, истории болезней. Конечно, я не могла ей это дать.

— Пятеро за год, — повторила Маша. — В прошлые годы столько же?

Пауза была слишком долгой.

— Раньше было меньше, — признала Светлана Борисовна наконец. — Но это совпадение. Новые пациенты, более тяжёлые случаи...

— Сколько?

— Что?

— Сколько умирало раньше? В год?

— Один-два человека. — Светлана Борисовна выпрямилась. — Мария Андреевна, я понимаю вашу боль, и я очень сочувствую. Но я прошу вас не делать поспешных выводов. Ваша мама была в тяжёлом состоянии после инсульта. Сердечная недостаточность —

— Она мне позвонила вчера, — перебила Маша. — Сказала, что здесь убивают людей. А утром умерла.

Тишина в палате стала плотной, как вата.

— Я слышала про этот звонок, — сказала наконец Светлана Борисовна. — Аркадий Семёнович говорит, что у пожилых людей после инсульта бывают... эпизоды. Параноидальные идеи. Это медицинский факт.

— Значит, он тоже знал про звонок.

— Она говорила об этом не только вам.

Маша встала с кровати, подошла к тумбочке. Внутри лежали мамины вещи — те, что не успели убрать в стопку. Очки в твёрдом футляре. Книга — Маринина, заложена на середине. Блокнот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.